

Анатолий Горбатюк

Мелодии и кумиры эстрады моей юности

Получив одобрение редактора альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Феликса Кохрихта на продолжение воспоминаний полувековой давности, связанных с выискиванием в памяти оставивших след полузабытых (а иногда и вовсе забытых) мелодий и их исполнителей, я установил точку отсчета – 1954 год, год окончания школы, когда детство уже закончилось, и началась романтическая юность. Итак...

Конечно, начинать нужно с мэтра – певца с не слишком большим голосом, но с огромным наполненным любовью к слушателям сердцем. Многие поняли, что разговор пойдет о нашем земляке, родившемся в конце XIX столетия с именем Лейзер Вайсбейн, а завоевавшем любовь миллионов поклонников как Леонид Утесов.

Удивительно многогранен талант этого одессита: артист кино и театра, поэт, композитор, дирижер, музыкант-исполнитель, куплетист, но главное – певец. Хрипловатый баритон его – это целая эпоха советской эстрады. Головокружительная карьера молодого Утесова началась в 1929 году, когда он начал выступать с созданным им джаз-оркестром под названием «Теа-джаз» – на манер услышанного в Париже оркестра знаменитого американского джазмена Теда Льюиса. Оркестр играл западные джазовые мелодии, а также специально написанные для коллектива инструментальные композиции и песни, постепенно отдавая предпочтение последним.

Значительную роль в судьбе Леонида Осиповича сыграла его дружба и творческий союз с талантливейшим композитором Исааком Дунаевским, венцом которых стала музыкальная кино-

комедия «Веселые ребята» с утесовским оркестром, снятая Григорием Александровым в 1934 году, где главные роли исполнили наш герой и восходящая звезда кинематографа Любовь Орлова (она же – супруга Александрова). Все песни, написанные для фильма И. Дунаевским на слова В. Лебедева-Кумача, и сегодня пользуются колоссальным успехом.

В 1939 году Утесов с оркестром снялся в первом в СССР музыкальном клипе с песней «Пароход»:

...Ах, не солгали предчувствия мне,
Да, мне глаза не солгали:
Лебедем белым скользя по волне,
Плавно навстречу идет пароход...

В годы Великой Отечественной войны оркестр Утесова постоянно выезжает на передовую, где дает концерты, часто прерываемые бомбежками и артиллерийскими обстрелами. В этих концертах обязательно звучат песни-пародии и куплеты, написанные на злобу дня и едко высмеивающие Гитлера и его камарилью. Вспомним хотя бы «Барона фон дер Пшика» (композитор Шалом Секунда – поэт Александр Фидровский): «...Бравый фон дер Пшик надет на русский штык, не русский, а немецкий вышел шпиг...»). А в небе летают два истребителя, купленные на средства оркестрантов. Рассказывали, что лично И.В. Сталин разрешил назвать их «Веселые ребята»...

Репертуар оркестра огромен. В нем и лирические песни, и шуточные, и песни-баллады, и приводящие в ужас советских идеологов блатные шлягеры, такие, как «Мурка», «Лимончики», «С одесского кичмана...». Кстати, о последнем бандитском хите. После того как лично товарищ Сталин попросил Утесова исполнить его на одной из вечеринок, для певца всякие запреты на исполнение «блатняка» вообще перестали существовать: «Сам товарищ Сталин разрешил мне играть это», – безапелляционно заявлял Утесов бдительным борцам за социалистическую культуру любого уровня.

Не брезговал знаменитый певец и пустяковыми песенками, которые нравились неизбалованному слушателю. Напри-

мер, «Мишка», сиюминутный шлягер, написанный куплетистом Вениамином Нечаевым на стихи (позволим себе употребить этот термин) Георгия Титова: «Ты весь день сегодня ходишь дутый, / даже глаз не хочешь поднимать...». Публика, как правило, смеялась...

Особое место в творчестве Утесова занимают песни, посвященные нашему городу. Это и знаменитая «У Черного моря» («Есть город, который я вижу во сне...»), написанная композитором Модестом Табачниковым на текст поэта Семена Кирсанова, и «Ах, Одесса моя!» Андрея Эшпая на слова Виктора Котова («Ах, Одесса моя ненаглядная! / Без тебя бы не смог, вероятно, я / Ни душою молодеть, ни шутить, ни песни петь!..»), и – из военных лет – «Одессит Мишка» (М. Табачников – В. Дыховичный) («Ты ж одессит, Мишка, а это значит...»), и «Одесский порт» (М. Табачников – И. Френкель), полюбившийся всем одесситам, но в пух и прах раскритикованный теми же идеологами («Пойдешь домой, / Махнешь рукой, / Выйдешь замуж за Ваську-диспетчера...»), и «Растаяла Одесса за кормой» (М. Табачников – Л. Куксо) («Растаяла Одесса за кормою, / Флотилия снялася с якорей...»), и давно ставшая народной «Привет тебе, Одесса-мама!» («Привет тебе, Одесса-мама! / Спасибо, что меня ты родила!..»). Всего же в репертуаре Леонида Осиповича было несколько сотен песен разных жанров!

Одесситы во все времена с трепетом относились к своему знаменитому земляку – вне зависимости от политики власть предержащих, и до боли жаль, что из-за деяний нескольких проходимцев, растащивших ценные экспонаты, Одесса осталась без музея Утесова – искренне любившего ее поистине народного артиста!

Ярчайшее впечатление произвел приезд в Одессу зимой 1954 года джаз-оркестра под управлением Эдди Рознера. Как его встретила Одесса! Оркестр был великолепен. Большой музыкант Рознер пополнил свой «ветеранский» состав (Цейтлин, Маркович и др.) талантливой молодежью, среди которой особенно ярко сверкали новые звезды джаза – барабанщик Борис Матвеев и певица Нина Дорда. Не успел еще этот замечательный коллектив уехать из нашего города, как вся Одесса уже пела – вслед за Дордой – «Моя родная Индонезия» и «Стиляга»... Впрочем, эта

самобытная певица, по меркам эстрады, была не так уж и молода – вот-вот 30 лет исполнится. Однако можно с уверенностью сказать: рождение популярнейшей певицы Нины Дорды произошло именно у Рознера, хоть до этого были и оркестр под управлением Дмитрия Покрасса, и гремевший на всю «столицу нашей Родины» оркестр ресторана «Москва». Кстати, тогда Нина вдохновила юного Василия Аксенова к написанию «Московской саги», где певица явилась прототипом героини Веры Горды. Впоследствии эта повесть была экранизирована.

Мы не случайно столько внимания удивляем творчеству Нины Ильиничны: именно она была первым исполнителем таких хитов (тогда этого термина и в помине не было), как «Ландыши», «Мой Вася», «В нашем городе дождь», упомянутого выше «Стиляги». Боже, сколько неподдельной ярости проливалось критиками от искусства – верными сатрапами Отдела культуры ЦК КПСС – и на исполнителей, и на авторов этих совершенно безобидных песен!..

Вот, например, «Ландыши»*, написанные композитором Оскаром Фельцманом** на стихи поэтессы Ольги Фадеевой в 1955 году:

Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не тюльпаны и не лилии.
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые.

Вот таких три простеньких куплета, не о Политбюро ЦК КПСС, не о правительстве – о цветах, и такой же незамысловатый припев:

Ландыши, ландыши –
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши –
Белый букет.

* Некоторые источники называют первой исполнительницей Гелену Великанову. Думаем, они неправы.

** Оскар Фельцман скончался 3 февраля 2013 г., но дожив 15 дней до своего 92-го дня рождения.

И – смешно сказать – из-за этой милой пустышки, очень полюбившейся, кстати, народу (тогда говорили «простому советскому человеку»), прославленный композитор-песенник О. Фельцман больше двух десятков лет находился в опале!

А вот другой, тоже бешено популярный шлягер, «Мой Вася». Написан в 1956 году, авторы: Оскар Фельцман и поэтесса Галина Ходосова. Три, как говорят в Одессе, ерундовых куплета, даже без «самостоятельного» припева:

Весенний цвет легко роняет липа.
За ним к тебе летят мои мечты.
В кино смотрела я вчера Жерар Филиппа,
А все казалось мне, что это ты,
Мой Вася! Мой Вася!
А все казалось мне, что это ты.

Как нежный плеск веселого фонтана,
Любимый голос песенки хорош.
И если слушала я даже Ив Монтана,
То мне казалось, это ты поешь,
Мой Вася! Мой Вася!
Ведь мне казалось, это ты поешь...

Третий куплет – про футбол – такой же не слишком высокой поэзии. Ну и что?!

А «Стиляга» – шлягер, написанный молодым композитором Вадимом Людвиковским для оркестра Эдди Рознера в 1954 году? Здесь Людвиковский явно схитрил: откровенно джазовую мелодию, да еще в ритмах буги-вуги, никакая комиссия, принимавшая программу, ни за что бы не пропустила, вот и был написан под нее текст, обличающий «стиляг», – появившихся на улицах больших и малых городов страны, вдохновенно строящей коммунизм, молодых людей, своим внешним буржуазным видом явно бросавших вызов советской идеологии. Длинноволосых юнцов, натягивающих на себя яркие просторные пиджаки в клеточку, неимоверно узкие брюки-дудочки, длиннющий яркий галстук и башмаки на толщенной каучуковой подошве, высмеивали

и проклинали во всех средствах массовой информации. Для борьбы с этим вредоносным явлением повсеместно были организованы на общественных началах молодежные отряды «Легкой кавалерии», которые при поддержке милиции затаскивали юнцов в свои «штабы», где принудительно стригли и распарывали ненавистные «дудочки». Более того, на центральных улицах устанавливались внушительных размеров стенды «Они позорят наш город» с фотографиями несчастных «стиляг»... Вот на волне этой бескомпромиссной борьбы с тлетворным влиянием Запада и выскочила песня-памфлет, припев из которой мы приводим:

Ты его, подружка, не ругай,
Может, он залетный попугай.
Может, когда маленьким он был,
Кто-то его на пол уронил,
Может, болен он, бедняга?
Нет, он просто-напросто стиляга!

А то, что, не вслушиваясь в обличающий текст, этот захватывающий танец (буги-вуги, будь они неладны!) вдохновенно танцевали сами «стиляги», – борцы за чистоту рядов как-то упустили из вида.

Конечно, в репертуаре этой выдающейся певицы были и любимшие ценителям разных возрастов и глубоко лиричные песни: «Была весна», написанная П. Креудером в содружестве с Н. Коваль («Была весна, когда мы встретились с тобой, / Цветли сады в аллеях парка над рекой...»), «Синие сумерки» Т. Бромберг и И. Алешковского («Синие сумерки – это / теплые встречи влюбленных...»), «Старый клен» А. Пахмутовой и М. Матусовского («...Отчего, отчего, отчего так хорошо? / Оттого, что ты идешь по переулку...»). Ныне здравствующая Нина Ильинична с удовольствием слушает песни из своего богатейшего репертуара в исполнении юных коллег. А то, что ее «репертуарные проказы» в молодости сходили ей с рук, объясняет просто: «Ко мне всегда был благосклонен Леонид Ильич»...

Рассказывая о песнях моей юности, с восторгом и болью вспоминаю замечательную эстрадную певицу Майю Кристалинскую.

С восторгом – потому что не было, очевидно, еще такого искренне звучащего небольшого, но удивительно проникновенного голоса на нашей эстраде. С болью – потому что знаю, что этой самобытной певице, любимице миллионов советских людей, пришлось перенести и откровенные гонения со стороны махрового антисемита, всемогущего председателя Гостелерадио Сергея Лапина, и длительную бескомпромиссную борьбу с тяжелейшей болезнью, оборвавшую ее жизнь в возрасте 53 лет...

Самая главная песня в ее творчестве – это «Нежность», написанная композитором Александрой Пахмутовой на стихи Николая Добронравова в 1966 году, когда певице уже исполнилось 34 года: «Опустела без тебя Земля... / Как мне несколько часов прожить?..». Тогда же Майя Владимировна была признана лучшей певицей года, а «Нежность» становится ее творческой визитной карточкой. Впрочем, известность певица приобрела за шесть лет до этого как исполнительница песни Маши в кинофильме «Жажда», снятом на Одесской киностудии (музыка Андрея Эшпая, текст Григория Поженяна): «Мы с тобой два берега у одной реки...».

Репертуарный список Майи Кристалинской огромен, подавляющее большинство песен вслед за ней поет вся великая страна. Это и «Я тебя подожду» (Аркадий Островский – Лев Ошанин); и «Царевна Несмеяна» (автор музыки и слов Г. Шангин-Березовский): «Ты стоишь у окна, небосвод высок и светел...»; и «Ты не печалься» (Микаэл Таривердиев – Николай Добронравов): «Ты не печалься, / Ты не прощайся, – / Все впереди у нас с тобой...»; и «Присядем, друзья, перед дальней дорогой» (Матвей Блантер – Владимир Дыховичный, Михаил Слободской): «Присядем, друзья, перед дальней дорогой, / пусть легким окажется путь!..»; и «Мосты» (Арно Бабаджанян – Виктор Орлов): «Всю ночь над городом ненастье, / всю ночь колдует темнота...»; и «Белый свет» (Михаил Танич – Оскар Фельцман): «На тебе сошелся клином белый свет...». Нет, не случайно Роберт Рождественский назвал Майю Кристалинскую «эхом нашей юности»!

В 1950-60-е гг. весьма популярна у любителей эстрады была Гелена Великанова, певица с нежным мягких голосом. Интеллигентное исполнение и сдержанные манеры на сцене способствовали этой популярности – скорее не у «массового» зрителя,

а у публики интеллигентной. До появления на эстрадных подмостках Гелена Марцелиевна успешно окончила Московское музыкальное училище имени Глазунова, а затем эстрадное отделение Школы-студии МХАТ – редкий случай образованности для эстрадной певицы.

В 1950 году Г. Великанова становится солисткой Всесоюзного гастрольно-концертного объединения. В ее репертуар (заметим в скобках: не слишком обширный) входят, в основном, так называемые жанровые песни. Это «Маринике» румынского композитора Генри Малияну (русский текст – Гарольда Регистана): «Снова солнце над землею рано встало, / Снова вместе на работу мы идем...»); «Маленькая Мари» французского композитора Н. Барси, к которой русский текст написал поэт Николай Доризо, муж певицы: «Да, Мари всегда мила, / Всех она свела с ума...»; финская народная песня «Рула те рула», русский текст к которой написал Владимир Войнович: «Если тебе одиноко взгрустнется, / Если в твой дом постучится беда...».

Конечно, не обошлось без шлягеров: те же «Ландыши», та же песня Маши к кинофильму «Жажда»... Однако с годами главным в репертуаре певицы становятся лирические песни, такие, как «Идут белые снеги» композитора Евгения Гришмана на стихи Евгения Евтушенко («Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снеги, / идут в небо с земли...»), а также циклы песен на стихи Сергея Есенина и Новеллы Матвеевой. Близкие друзья Гелены Великановой утверждают: на формирование вкусов певицы, ее избирательную строгость при выборе песен значительное влияние оказал ее супруг – известный поэт Николай Доризо.

В 1965 году Гелена Марцелиевна переходит в Москонцерт, но неудачная операция на связках через несколько лет посадила ее высокий голос. Все реже выступает она в сольных концертах, начала падать и популярность. Впоследствии она перешла на преподавательскую работу. Впрочем, в начале 1990-х, при возрождении ретро на эстраде, Г. Великанова возвращается на сцену, ей присваивают звание народной артистки России, но повторный триумф продлился недолго.

Весной 1998 года на Аллее звезд возле концертного зала «Россия» состоялась торжественная закладка именной звезды певи-

цы, а через полгода, 10 ноября, она готовится к «прощальному», по ее словам, концерту. За два часа до его начала сердце Гелены Великановой остановилось...

Николай Щукин. Начиная с середины 1960-х – кумир публики всех возрастов. Успеха он добился еще в начале 50-х годов, но это был успех, так сказать, местного масштаба в славном городе Ростове-на-Дону, где играло довольно большое количество джаз-оркестров. С одним из них – под управлением трубача Иосифа Стельмана, выступавшего в ресторанах, на танцплощадках, на сценах дворцов культуры, – и начался в 1950-х стремительный рост популярности певца, выступавшего под псевдонимом Ника Стефан. Тщательно отрепетированный акцент, с которым он исполнял советские и зарубежные мелодии, должен был создавать таинственный образ иностранца, загадочным образом свалившегося на эстрадные подмостки Ростова-на-Дону. Так воспитанник детского дома, никогда так и не узнавший свою настоящую фамилию, инвалид Великой Отечественной, потерявший ногу и ходивший, слегка прихрамывая, на протезе, кстати, кавалер двух орденов Славы, выдвигался на передовые рубежи советской эстрады...

Из Ростова Николай Щукин переезжает в Киев. Выступая с прекрасным биг-бэндом Вадима Людвиковского, он покоряет столицу Украины. В течение десяти лет Николай Николаевич (отчество тоже придумано в детском доме) с блеском гастролирует под эгидой Укрконцерта, всегда собирая переполненные залы. Его настоящей «фишкой» (в таком контексте это слово тогда не употреблялось) становится песня Алехандро-Домиана Домингеса «История одной любви» («Первая встреча») из репертуара знаменитого в то время латиноамериканского ансамбля «Трио Лос-Панчос». У Щукина в авторском переводе на русский язык Гарольда Регистана она называлась «Прощай!». С нахлынувшей ностальгией привожу припев:

Вернись, тебя любовь зовет, вернись!
Ты вспомни, как сердечно
Мы в чистой, вечной
Любви клялись.

Вернись, я вновь и вновь зову: вернись!
Одно твое лишь слово
Вернет нам снова
Любовь и жизнь!..

Уже первые слова из «Прощай!» («Вечер... Шумит у ног морской прибой. / Грустно поют о прошлом волны...») вызывали в зале длительную овацию. Думается, не было концерта, в котором певцу не приходилось бы исполнять эту песню дважды...

В Москонцерт в 1969 году Николай Щукин переходит уже в качестве ветерана и работает с ансамблем великолепного саксофониста Георгия Гараняна. Он, как и прежде, обаятельный и элегантный, сходу покоряет зал фирменной («голливудской») улыбкой. Теперь он все чаще возвращается к теме прошедшей войны и все чаще поет для ветеранов-фронтовиков.

Но у Николая Николаевича в его солидном репертуаре был еще один шлягер – песня Анатолия Горчинского на слова Леонида Татаренко «Чужая милая» («Здравствуй, чужая милая, / Та, что была моей...»), тоже попавшая на грампластинки, с невероятной скоростью раскупавшиеся почитателями певца. По рассказам очевидцев, были случаи, когда ревущий зал заставлял Щукина исполнять ее три, а иногда – и четыре раза подряд!

На стыке 1960-1970-х гг. во время одесских гастролей Николая Щукина мне несказанно повезло. Однажды мы, то есть мой друг Толя Кравченко и я, оба молодые инженеры, работавшие в Одесском морском порту, а все свободное время уделяющие любимому хобби – джазу, после концерта нашего оркестра в Портклубе зашли «погреться» в ресторан «Красный». Был пятничный вечер, зал ресторана был заполнен, но у нас имелся блат – официантка Тася, так что столик для нас нашелся. Через полчаса Тася попросила нас потесниться: ей нужно было усадить «важного», как она сказала, гостя. Это был... Николай Щукин! Представляете?! Оказывается, он тоже после концерта зашел «погреться», благо филармония находилась через дорогу.

Видя, что мы слегка робеем, знаменитый гастролер в элегантном сером костюме, тщательно причесанный, с безукоризнен-

ным пробором в черных, как смоль, но с заметной проседью набриолиненных волосах, первым завел разговор:

– Чем занимаемся, молодые люди? – спросил он.

– Музыканты мы...

– Так мы – коллеги! – обрадовался Щукин.

– Нет, – опрометчиво возразил кто-то из нас, – мы джаз играем...

Наш собеседник как-то хмыкнул, налил себе рюмку водки и выпил. Один. Повисла неловкая пауза. Потом Щукин, прищурившись, обвел нас внимательным взглядом.

– Джаз – это хорошо. Я по молодости, когда в Ростове жил, тоже увлекался джазом – Синатра, Армстронг, Кросби... Но быстро сообразил: джазом семью не прокормишь. Об этом вы подумали? Ладно, хватит о грустном. Хотите, расскажу смешную историю недельной давности? Мы в Виннице работали, и после концерта попал я в гости к одной милой блондинке. Часа в четыре утра засобирался в гостиницу и решил дорогу сократить – пошел огородами. Вдруг откуда ни возьмись собака из темноты выскакивает – и на меня! Я и так, и этак – не отстает, зараза, вот-вот вцепится, а куда я денусь – на одной-то ноге? Поворачиваюсь к ней, поднимаю штанину и сую ей в пасть протез – мол, на, сука, жри! Она – хватъ протез клыками, да как завизжит – и в кусты! Зубы, что ли, обломала?

Мы расхохотались, представив себе эту трагикомическую сцену: ночь, огород на окраине Винницы, а на нем – дворняга, грызущая искусственную ногу знаменитого певца. Обстановка за столом разрядилась, одно воспоминание следовало за другим. В общем, вечер удался.

В середине 1980-х Щукин становится заслуженным артистом РСФСР, через десять лет – народным артистом России, но разве можно званиями измерить любовь и почитание миллионов поклонников?! Летом 1999 года певца не стало. Ему было 75 лет.

...Никак нельзя не вспомнить Лидию Клемент – певицу, чье удивительно теплое сопрано звучало на профессиональной сцене до обидного мало, всего несколько лет, но сразу же стало узнаваемым и любимым миллионами слушателей. Вся короткая жизнь Лидии проистекала в городе на Неве, называвшемся тогда

Ленинградом. Несмысленным ребенком перенесла она страшнейшую блокаду. Будучи студенткой Ленинградского инженерно-строительного института, пела с институтским джаз-оркестром. Работая с 1960 года инженером-проектировщиком, выступала с огромным успехом с эстрадным оркестром Дома культуры им. Серго Орджоникидзе под управлением Наума Темкина, потом – с оркестром Ленинградского театра комедии (руководитель – В. Федоров).

Специально для молодой певицы, ставшей очень быстро невероятно популярной, сначала в Ленинграде, потом в огромной стране, писали песни известнейшие композиторы: Василий Соловьев-Седой, Андрей Петров, Александр Колкер, Сергей Пожлаков, Георгий Портнов... Огромными тиражами расходятся грампластинки с ее песнями, что неудивительно: яркий голос, прекрасная музыка, высокая поэзия. Назову несколько из исполненных Лидией песен: «Когда вам 20 лет», музыка В. Соловьева-Седого на стихи М. Матусовского («Как хорошо мечтать вдвоем, когда вам двадцать лет...»); «Дождь на Неве», музыка В. Шеповалова, слова А. Гершта и Н. Григорьева: «Дождь по асфальту рекою струится, / Дождь на Фонтанке и дождь на Неве... / Вижу родные и мокрые лица, / Голубоглазые в большинстве...»; «Звезды в кондукторской сумке» (А. Петров – Л. Куклин): «...Я зимою и летом / Отрываю билеты / И мечтаю в вечернем вагоне пустом...».

Но истинными хитами певицы стали две песни, спетые Л. Клемент в 1964 году, незадолго до безвременного трагического ухода из жизни. Первая из них – «Карелия», написанная композитором А. Колкером на стихи поэта К. Рыжова:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер...

И наконец, не менее лиричная, но с глубоким гражданским пафосом песня композитора А. Петрова на слова поэтессы Ю. Друниной «На кургане»:

...У подножья обелиска
В карауле молодые деревца.
Сядем рядом, сядем близко,
Так, чтоб слышать друг друга сердца...

Лидия Ричардовна Клемент скончалась от саркомы 16 июня 1964 года, не дожив один месяц до своего 27-летия. С тех пор прошло – страшно подумать! – почти полвека. Но проникновенный голос этой очаровательной певицы помнят не только ее пожилые поклонники. Глубоко символично, что нынешняя королева эстрады Алла Пугачева посвятила светлой памяти Л. Клемент одну из своих песен, написанную на стихи Осипа Мандельштама, – «Ленинград» (второе название – «Монолог Лиды»):

Ленинград, Ленинград!
Я еще не хочу умирать,
У меня еще есть адреса,
По которым найду голоса.
Ленинград, Ленинград!
Я еще не хочу умирать,
У тебя телефонов моих номера,
Я еще не хочу умирать...

Памятник Лидии Клемент на ее могиле на Богословском кладбище Санкт-Петербурга выполнен в виде грампластинки с нависшим над ней тонармом*. Грампластинки с песнями, которые мы никогда уже не услышим...

* * *

Но читатель едва ли поверит мне, если я скажу, что наши музыкальные запросы ограничивались только отечественной эстрадой. Да ничуть не бывало!

Буквально фурор произвел попавший в 1955 году на советские экраны аргентинский фильм «Возраст любви» («La edad

* Тонарм – рычаг на проигрывателе грампластинок, на который крепится головка с иглой.

del amor»), где в главной роли блистала красавица Беатрис Мариана Торрес, более известная под псевдонимом Лолита Торрес. Ее зажигательные танцы, а особенно песни («Коимбро – город студентов», «Прощай!») композитора Рамона Сарсосо благодаря сочному контральто аргентинской кинодивы сводят советскую публику с ума. Начиная с 1962 года, Лолита Торрес с неизменным успехом четырнадцать раз гастролировала в СССР!

Вслед за певицей Александрой Коваленко, для которой поэтесса Л. Давидович написала русский текст, «Коимбро» исполняется в Советском Союзе повсеместно и долго: «Коимбро – ты город студентов. / В мире нет милей тебя и краше...».

Долгие годы (можно сказать, по сей день) не сходит с эстрады бессмертная «Bésame mucho» («Целуй меня крепче») – песня на испанском языке, написанная в 1940 году мексиканкой Консуэло Веласкес Торрес. В Советском Союзе ее исполняли всюду – в концертах, в кинотеатрах перед началом сеансов, в ресторанах и на танцплощадках – и, как правило, в оригинале – на испанском языке. У меня долго хранилась «сорокопятка»** с этой песней в ритме болеро в исполнении Романа Романова. Перед исполнением песни певец с помощью кем-то написанного четверостишья вводил слушателя «в курс»:

Не спится юному ковбою,
Разлука с милой парня мучит,
И шепчет он: «Побудь со мною,
Целуй меня, bésame mucho!..»

Или вот «Мамбо итальяно»:

Hey, mambo! Mambo Italiano,
Hey, mambo! Mambo Italiano,
Go, go, go, you mixed up sicialiano,
All you calabraise-a do the mambo like a crazy...

Перевод текста на русский язык никого не интересовал, и слава Богу – полная абракадабра, убедитесь сами:

** Грампластинка на 45 оборотов в минуту.

Эй, мамбо! Итальянское мамбо,
Эй, мамбо! Итальянское мамбо,
Давай, давай, вперед, ты перепутал с сицилиано,
Все перепутал – ну и танцуй мамбо, как сумасшедший...

А мелодия, хоть и весьма бесхитростная, но до чего зажигательная! А ритмы какие! В 1954 году автор, Боб Мерилл, создал этот шедевр, можно сказать, мгновенно, сидя за столиком в одном из итальянских ресторанчиков Бродвея, и по настенному телефону-автомату напел его своему пианисту в студию. «Мамбо итальяно», исполненное певицей Розмари Клуни, стало хитом в течение первого же месяца. Потом в исполнении Дина Мартина, знаменитого американского джазового певца и актера итальянского происхождения, оно просочилось и в СССР, где заняло достойное место в числе других хитов «музыки на костях»... А-а, кто-то не знает, что это такое – «музыка на костях»? Уже рассказываю.

В далеких 1950-х, когда полным ходом шла бескомпромиссная война советской идеологии с одним из тлетворных проявлений буржуазной морали – джазом, советским любителям этого полузапрещенного вида искусства пришлось совсем туго: никакой информации из-за рубежа. Только начиналась джазовая программа по «Голосу Америки» знаменитого радиоведущего Уиллиса Кларка Коновера, как сразу же включались все радиоглушилки Комитета государственной безопасности. То, что Уиллис Коновер отлично знал свое дело, говорит хотя бы такой непреложный факт, как его работа продюсером джазовых концертов в Белом доме и на Ньюпортском джазовом фестивале. Не случайно специалисты называли Коновера «наиболее значимым человеком в интернациональном джазе». Но не хуже (а может быть, и лучше) знали свое дело глушители-комитетчики: как там ни умничал заокеанский знаток джаза, все равно, разобрать можно было только отдельные фрагменты, а чтоб записать какой-нибудь блюз – и речи не могло идти. Но одно дело победить пропагандиста ненавистного джаза, а другое – многие десятки тысяч любителей этой проклятой напасти. На всем пространстве Советского Союза было налажено подпольное изготовление джазовых граммплас-

тинок, на которые переписывалась музыка с привозимых «из-за бугра» дипломатами (иногда – моряками) фирменных дисков. А исходным материалом для кустарных пластинок служили использованные рентгеновские снимки. Посмотришь через такую пластинку на свет Божий – увидишь чью-то поломанную ключицу или смещенные диски позвоночника, а поставишь на электропроигрыватель – услышишь захватывающую музыку в исполнении Диззи Гиллеспи* или другого Каунта Бейси**... Так что более остроумного названия, чем «музыка на костях», придумать трудно.

Так через загубленные рентгеновские снимки у меня и таких же юных моих друзей, фанатирующих джазом, появились записи из замечательного американского фильма «Серенада Солнечной долины» с эпохальным биг-бендом Гленна Миллера и другие шедевры джазового искусства. Еще чуть-чуть, и мы познакомимся с творчеством Луи Армстронга, Френка Синатры, Дюка Эллингтона, Эллы Фитцджеральд, других корифеев джаза, но не будем спешить, ибо наступает уже другое время – время возмужания автора этих записок...

* Диззи Гиллеспи (наст. имя Джон Биркс Гиллеспи) – выдающийся джазовый трубач, композитор, аранжировщик.

** Каунт Бейси (наст. имя Уильям Джеймс Бэйси) – джазовый пианист, знаменитый руководитель биг-бенда.